

Судьбы Кавказа: мифы и реальность. Владимир Дегоев. Стратегия России, 2012, 12

Владимир Дегоев

Судьбы Кавказа: мифы и реальность.

Стратегия России, 2012, 12

оригинал на сайте: <http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?subaction=showfull&id=1355990442&archive=1355>

Портал МГИМО: <http://mgimo.ru/news/experts/document234264.phtml>

В идеале каждый историк стремится узнать и понять о своем предмете исследования больше, чем его предшественники. Или взглянуть на вещи с другой точки обзора. Иначе движение исторической мысли остановится и от геродотовского ремесла (или искусства) останется мало пользы — научной, культурной, духовной, образовательной.

Этого, к счастью, никогда не произойдет, пока жива в человеке естественная, неистребимая, едва ли не физиологическая страсть к познанию, питаемая абсолютно справедливым убеждением в том, что познавательный процесс бесконечен, как Вселенная. Сколь простая, столь и фундаментальная истина эта сама по себе является вечным вызовом для человеческого интеллекта — субстанции неукротимой в своей пытливости, свободе, азарте.

До каких высот сюрреализма нужно подняться воображению, чтобы представить ситуацию «конца истории» — не в смысле наступления на планете эпохи тотального политического и, если уж на то пошло, цивилизационного единообразия, а с точки зрения возможности и желания констатировать полную исчерпанность перспектив изучения громадных периодов (не говоря уже о фактах, событиях, процессах) мировой истории. Образно говоря — тепловую смерть исторической науки.

Такое развитие событий нам, слава Богу, не грозит. Однако то, что грозит, не намного лучше. Серьезные ученые обособляются в элитарную корпорацию, не проявляющую особого интереса к тому, что происходит за ее пределами. Превращая лучшие достижения отечественной и мировой историографии в удел избранных, они по сути отдают фундаментальные вопросы просвещения общества и исторического образования молодежи на откуп изготовителям дешевых и небезвредных поделок, не требующих от читателя усилий мысли и не рассчитанных на критическое восприятие. Мифы, невежество, примитивизм правят бал там и тогда, где и когда им это позволено. Сейчас у нас позволено все, что работает на воспитание в народе непреходящего чувства неполноценности и коллективной, до сих пор не искупленной вины за всю русскую, российскую и советскую историю, исполненную жестокости, преступлений, патологии.

Конечно, историческая наука пытается противостоять этому натиску пошлости, воинствующего мифотворчества, русофобии. Но сегодня возможности ее оздоровительного влияния на культурный, духовный облик людей ограничены. Спрос хотя бы на доброкачественные (не говорим уже о «научных», «профессиональных») знания о прошлом, по сравнению с советским

временем, упал катастрофически. Против сообщества ученых успешно действует дилетантское сообщество графоманов и популяризаторов, ловких, деловых, со сверхразвитым чутьем на конъюнктуру и молниеносной реакцией на нее. Не успеешь подумать об исторической книге на злободневную тему, а она уже на прилавках магазинов. Но совсем не та, что нужна людям, а та, на которой можно заработать.

Даже в официальной учебной (школьной и вузовской) литературе иные хрестоматийные темы, в угоду всеобщему псевдообновленческому и «правдоискательскому» духу, преподносятся в стиле шоковой психотерапии с применением известных суггестивных приемов из агитпроповского арсенала. И было бы полбеда, если бы за всем этим стояла низкая авторская квалификация, ее генетическая близость дурному вкусу и, быть может, неосознанное желание потрафить растущему площадному спросу на вульгарщину и сенсации.

Однако в том-то и беда, что зачастую этой деятельностью целенаправленно и со знанием дела занимаются безусловно умные люди. Поэтому тут вряд ли будет к месту афористический призыв не спешить искать злонамеренность там, где причиной всему может быть простая глупость.

Впрочем, будем справедливы. Зачастую сами ученые отстраняются от борьбы за умы или, по крайней мере, за внимание публики, по старинке считая участие в состязании с непрофессионалами недостойным занятием. Их можно было бы понять, если бы не другие времена, наступившие как-то неожиданно быстро и еще быстрее меняющиеся.

Писать только для себя, для узкого круга своих единомышленников или оппонентов становится опасным расточительством опыта и таланта, эдакой разновидностью академического снобизма, все дальше и дальше отделяющего науку от жизненно важных сфер практического применения исторических знаний — политических, образовательно-воспитательных, идеологических, культурно-просветительских. Управление этими процессами явочным порядком переходит к тем, кого близко нельзя подпускать к наиболее чувствительным и уязвимым нервам общественного организма, особенно к механизмам его самосохранения, сильно ослабленным постсоветскими реалиями.

В определенных кругах весьма перспективной считается деятельность по культивированию в сознании российского общества комплекса исторической ущербности и склонности к самобичеванию. В период холодной войны на то, «какие мы были и есть», нам открывали глаза западные советологи, трудами которых с неопитским восторгом зачитывалась советская научная интеллигенция, имевшая доступ в так называемые спецхраны (особые отделы в библиотеках). Нынче на этот счет нас просвещают наши собственные «правдорубы», зачастую смущая своей неистовой прямолинейностью даже тех представителей нового поколения зарубежных историков, которые слывут продолжателями советологических традиций.

***

В числе неискупимых грехов России — иррациональная страсть к завоеваниям и геополитическая мегаломания, выразившаяся в жестоких методах и колоссальных издержках строительства сначала империи, а затем ядерной сверхдержавы. В качестве классической, неопровержимой иллюстрации этой «уникально русской болезни» чаще всего фигурирует навязчивое стремление России овладеть Кавказом.

Методы и результаты ее южной политики представлены в мировой историографии и мировой беллетристике широким спектром оценок — от панегирических до оскорбительных. И те и другие, понятно, заряжены определенной идеологической энергией, используемой в целях, далеких от исторической науки. Дело не в том, чтобы найти между полярными полюсами математическую середину, по аналогии с вычислением квадратуры круга. Гораздо важнее вывести эту сложнейшую проблему из сферы, насыщенной эмоциями, предрассудками и фобиями, в область трезвого, добросовестного научного анализа с помощью известных профессиональных инструментов, которые совершенствуются буквально на наших глазах, хотя и не с такой скоростью, как коммуникационные технологии.

В исследовании западного вектора внешней политики России эта работа, при всех ее очевидных

издержках, идет куда успешнее, чем изучение программных идей и конкретных замыслов Петербурга в отношении Востока вообще и Кавказа в частности. Между тем это отставание вполне преодолимо, поскольку объективных, оправдательных причин для него не существует. В распоряжении у сегодняшних и будущих исследователей данной темы громадное количество источников, которые считаются информационно исчерпанными лишь по недоразумению, не говоря уже о тех, что покоятся в архивах и до сих пор не введены в оборот.

Почему на фоне неисчислимого количества трудов о политике России на Кавказе появляются новые замечательные книги о различных сторонах ее деятельности (продукты неизлечимой графомании и заказной пропаганды не в счет)? Во многом именно потому, что каждый высококвалифицированный историк на документальном поле, казалось бы, исхоженном его предшественниками вдоль и поперек, что-то свое, не замеченное другими.

Источники в принципе неисчерпаемы в своей способности открываться новыми гранями, особенно перед теми, кто «фронтальной проходке» предпочитает срез — микроскопический, всесторонний анализ. Такова вообще природа познавательного процесса во всех гуманитарных науках с их неограниченным потенциалом развития в направлении бесконечности.

Некоторые представители среднего и молодого поколения российских кавказоведов измеряют потенциальную глубину источниковых ресурсов, если так можно сказать, профессиональным чутьем и им же улавливают перспективные, с методологической точки зрения, направления исследований. Их новаторские работы — результат самостоятельной деятельности и личного творческого выбора.

Во многих случаях эти труды удачно восполняют исчезновение прежней советской научно-кавказоведческой школы. Но адекватно заменить организованную работу высококвалифицированных, целенаправленно подобранных коллективов эти специалисты не в состоянии — при всех своих бесспорных дарованиях. «Рассеянная мануфактура» — не самая эффективная система организации исторических исследований. Особенно сегодня, когда для решения фундаментальных задач необходимы междисциплинарные подходы, сочетание, как говорил В. О. Ключевский, приемов анатомического и физиологического изучения феноменов истории и, конечно, параллельное сканирование процессов «большой исторической длительности» с помощью микро- и макрооптических средств.

Восстановление кавказоведческой науки, как многопрофильной гуманитарной дисциплины, развивающейся не по стохастической кривой, а по законам внутренней преемственности, или по законам познания, немыслимо без всесторонней помощи государства. Даровитые исследователи не смогут объединиться сами по себе в некое институциональное целое, способное осуществлять крупные академические, а на их основе — образовательные проекты.

Тут требуется глубоко продуманная государственная программа массовой поддержки исторической науки, образования и просвещения, прежде всего для воспитания в общественном сознании правильных представлений о трудном и неоднозначном процессе формирования Российской многонациональной империи, которая, в отличие от ряда своих аналогов, «сколько приобрела народов, столько и сохранила» (И. Ильин). Именно способность империи (в русско-российской и советской разновидности) объединять, примирять, защищать заслуживает фундаментального изучения.

Российская империя, как ни парадоксально, демонстрировала эту способность тем убедительнее, чем острее и запутаннее оказывались обстоятельства, осложнявшие ход утверждения ее власти и влияния на имперской периферии. На такой крайне проблемной окраине, как Кавказ, где не было недостатка в подобных обстоятельствах, Россия многократно являла яркие примеры эффективности невоенной политики.

Перераспределение внимания и усилий ученых на всеобъемлющее исследование всех без исключений содержательных аспектов российско-кавказских отношений неизбежно выявит полную беспредметность и глубоко спекулятивный характер их отождествления с «400-летней войной». А если история этих отношений будет, как ей и положено, рассматриваться еще и в контексте международного соперничества между Россией, Турцией и Ираном, то придется переосмыслить очень многое из того, что обрело в исторической литературе статус почти

неоспоримых положений.

Более того, когда самую Кавказскую войну XIX века начнут изучать на уровне сущностей, а не видимости, освобождая ее от мифов, гипербол, идеологических штампов и вроде бы легко напрашивающихся аналогий, она откроет не одну из своих уникальных сторон, отличающих ее от «классических» войн до такой степени, что порой и слово «война» примет условный оттенок.

***

Военно-политическая и геополитическая тематика отнюдь не исчерпывает всю картину многовекового продвижения России на Кавказ. Осознать перманентное наличие конфликтоупирающей составляющей в этом процессе нельзя без обращения к его культурному, социальному, торгово-экономическому содержанию, тесно связанному с межличностными отношениями дружбы и приязни, на которых покоился общекавказский обычай куначества. В сферу его благотворного действия было широко вовлечено русско-казачье население Северного Кавказа.

Через этот древний институт народной жизни решались многие острые вопросы не только бытового, но и политического характера. О том, что российские власти воспринимали его отнюдь не в качестве декоративной этнографической экзотики, свидетельствуют традиционные куначеские связи между кизлярскими комендантами (ранее — воеводами Терской крепости) и местными (дагестанскими и кабардинскими) владельцами. Этот обычай зачастую страховал русские поселения от горских набегов или помогал добывать о них своевременную информацию (хотя преувеличивать миротворческий потенциал куначества тоже не стоит).

Богатейшие пласты повседневной русско-кавказской истории по сути впервые, пусть и своими, художественными, средствами, стали исследовать великие русские поэты и писатели — Пушкин, Лермонтов, Толстой. Они невольно открыли целое направление в изучении формировавшегося русско-кавказского мира, строившегося сначала на осторожном межцивилизационном диалоге, который затем, ширясь за счет новых участников, проложил дорогу к цивилизационно-имперскому единству.

Увиденное и пережитое ими на Кавказе пробудило в них, помимо смятения чувств, ощущение громадности и чрезвычайной важности происходящего — вовлечение патриархально-родовых, дополитических обществ в культурный водоворот могущественной империи, что предвещало колоссальные последствия в жизни и Кавказа, и России. Гении русской словесности, возможно, сами о том не догадываясь, указали историкам на богатый потенциал культурологического, междисциплинарного подхода к тем вопросам, которые трудно исследовать лишь с помощью политического анализа.

С точки зрения хронологической, мы имеем «две истории Кавказа». Историю взаимоотношений его с Россией, завершающуюся вхождением в ее состав в конце XVIII — первой трети XIX века. И историю цивилизационного развития его как части Российской империи, в том числе в самые драматические периоды, подвергавшие тяжким испытанием прочность имперского единства страны.

С точки зрения предметно-содержательной, российско-кавказские отношения превращаются в абстрактное понятие, если не видеть в них тесного переплетения политических, социальных, экономических, культурных, конфессиональных явлений. Эта многофакторность выдвигает на передний план в кавказских исследованиях такой важный методологический принцип, как комплексность и междисциплинарность.

Давно пора историкам позаимствовать профессиональный инструментарий, которым пользуются социологи, философы, психологи, литературоведы, культурологи, демографы, экономисты и др. Более того — объединить с ними свои творческие усилия для реконструкции Большой истории Кавказа, положив в основу исследование смыслового ядра этой истории — русско-российско-кавказского культурно-цивилизационного синтеза. Ничто иное как движение к условной точке бурного слияния мозаичных, непохожих друг на друга социально-культурных

материй, образовало магистральный исторический вектор развития все более взаимозависимых отношений между Россией и Кавказом.

Но отнюдь не война (как ее ни называй: «Кавказская», «Русско-кавказская» или еще какая). Она никогда не смогла бы построить тот новый, удивительный мир прогресса и модерна, стремительное наступление которого мы наблюдаем на Кавказе со второй половины XIX века. За считанные десятилетия здесь, в условиях вековой неподвижности социального бытия, происходит невиданное: рывок на просторы мирового хозяйства, образования, науки, культуры. И все это через российско-имперское пространство, уже давно знакомое с чудесами века.

Тот же комплексный, междисциплинарный метод обещает совершенно иные творческие перспективы в изучении глубоко трагической, переломной эпохи в истории Кавказа как части России: война, революция, иностранная интервенция (1914–1921). Не умаляя значение сделанного в этой области советскими и постсоветскими историками, приходится констатировать, что работа по экстенсивному и интенсивному освоению документальных и методологических ресурсов, ставших доступными за последние двадцать лет, по сути только начинается.

Общее свойство всех подобных исторических поворотов — нарастание плотности событий и стремительности перемен, внезапное образование и столь же быстрый распад экзотических социально-политических союзов, взрывное и очень жестокое обострение латентных конфликтов, бушующий хаос, ожидающий силу, способную его обуздать на свой лад. Новый порядок наступает непременно, но управляют этим порядком те, кто заслужил такое право своими усилиями и своим умением укротить стихию.

Без комплексной (в каком-то смысле постмодернистской) методологии не обойтись при анализе особенностей советской эпохи на Кавказе. Ее поистине великие достижения фактически остались вне поля зрения современных исследователей, обративших в одних случаях все свои реальные способности, в других — их отсутствие, замещенное пустопорожним пафосом, на разоблачение преступлений партийно-тоталитарной системы, как будто ничего, кроме этого, в истории нашего XX века не было.

Не задумываясь предали анафеме советскую веру в «дружбу народов», найдя в ней одну лишь фальшь, мифологию и плакатность. Никто даже не удосужился проверить объявленную аксиомой мысль о полном крахе национальной политики в СССР. Да, советские теоретики явно переусердствовали в прославлении морально-политического (читай: цивилизационно-культурного) единства нашего общества. Но они хотя бы не забывали предъявлять аргументы, которых у них, нужно признать, было достаточно.

Что до нынешних политологов, то они, отрицая этот постулат, считают излишним искать доказательства того, что якобы не требует доказательств. СССР развалился. Чего же боле? Какие еще нужны подтверждения его тотальной несостоятельности?

***

Заметим: чем дальше в историю уходит 1991 год, тем сложнее становятся вопросы, которыми задаются отечественные и зарубежные мыслители, — не только о причинах распада советской сверхдержавы, но и об альтернативных вариантах развития событий. Кроме всего прочего, эти мыслители, не в пример параноидальным критикам всего советского, понимают историческую, непреходяще сложную природу межнациональных отношений.

Своим интеллектом, опытом и человеческой мудростью они схватывают главное: национальный вопрос в любом этнически неоднородном государстве — задача, в принципе не имеющая полного и окончательного решения. И тратить на него силы — есть сизифов труд. Но данная сфера социальной жизни все же поддается управлению и контролю, эффективность которых зависит от многих факторов. Идеально благоприятного сочетания таких факторов не бывает, как не бывает и идеальных форм сожительства между представителями разных наций, этнических, языковых, конфессиональных и других групп.

Существует (когда он действительно существует) выбор не между плохим и хорошим, а между катастрофичным и оптимально приемлемым. В рамках такой, не слишком бодрящей логики, можно констатировать: уровень регулирования межнациональных отношений в СССР в конце концов достиг беспрецедентной эффективности. Одним из убедительных доказательств накопленного в этой области запаса прочности является тот факт, что на рубеже 1980-х и 1990-х годов советские национальные республики всех статусов (за исключением Прибалтики и с оговорками Грузии) решительно противились центробежным и сепаратистским тенденциям. Их главным вдохновителем, как ни парадоксально, стала Москва, точнее, московская партийная элита, стремительно деградировавшая политически и морально, теряя вменяемость и чувство ответственности за судьбу страны.

Здесь мы не ставим своей целью разбираться в соотношении деструктивных и конфликтоблокирующих факторов накануне распада СССР. Мы настаиваем лишь на том, что эта проблема, как обширный и очень плохо изученный научный дискурс, безусловно существует, и сейчас она представляет собой огромные неудобства для тех, кто не прочь был бы упразднить ее как исторически решенную и научно неактуальную задачу.

Напротив, эта тема с течением времени приобретает все большую злободневность по мере того, как все меньше остается ученых, склонных считать вопрос закрытым и позволяющих себе потешаться над конспирологическими гипотезами и предположениями о возможности сохранения СССР.

Политическая, социально-экономическая, культурная история советского Кавказа с его уникальным опытом национально-государственного и партийного строительства, воспитания патриотизма и интернационализма уже востребована не только в качестве объекта научно-исторического познания, но и в качестве практического инструмента с не до конца использованным коэффициентом полезного действия.

Для плодотворного соединения науки с государственно-политической практикой необходимо не только возрождение лучших традиций русского дореволюционного и советского кавказоведения, но и объединение мощных интеллектуальных ресурсов для создания комплексной академической и учебно-образовательной дисциплины, охватывающей все аспекты исторического и современного бытия народов Кавказа. Во всяком случае это будет не самый бесполезный шаг по пути к предотвращению перспективы исхода из России тех, кто составлял и составляет неотъемлемую часть ее многовекового культурного многоцветья.